

Василий ПЕСКОВ

Окно в природу: Заповедник «Кологривский лес» имени Максима Сеницына

Он умер 1 декабря для всех неожиданно...

Утром уехал в школу, где учился сынишка, и оттуда позвонил домой: «Мне плохо. Вызвали «Скорую»...» Это были последние слова, которые слышали его близкие.

Максиму Сеницыну было пятьдесят два года. Двумя месяцами раньше на 75-м году умер его отец, известный историк-востоковед, академик, получивший много наград в России и Франции.

Максим в семье Сеницыных был единственным сыном. Его любили. Но отец пальцем не пошевелил, чтобы «отмазать» сына от армии, - «служи, как все». В Московский университет Максим поступал, уже нахлебавшись солдатских щей, и считал, что армия дала ему много полезного. В университете среди вчерашних школьников он чувствовал себя, как предыдущие поколения ребят, прошедших войну. И жизнь после учебы у него быстро вошла в колею. Полевые работы на полуострове Таймыр географа и знатока природы с солдатской закалкой сразу стали успешными.

Потом Максим участвовал в осуществлении многих экологических проектов, причем сразу становился лидером в группе. «В его характере было три качества: чувство долга, целеустремленность, безошибочный выбор цели и верный путь к ней». Максим умел сплотить для дела нужных людей, и все работали с ним с удовольствием. Имя его было паролем: «Спроси у Максима», «Надо, чтобы это прочел Максим». Зная этого человека, я сам много раз это слышал. С уважением говорил о нём один из самых авторитетных людей в стране по лесоводству и лесной науке Исаев Александр Сергеевич.

В судьбе каждого человека много значат встречи на жизненных путях хороших людей. Для Максима Сеницына таким человеком был академик Исаев. Мудрый, мягкий и в то же время требовательный, он пригласил молодого ученого в Международный институт леса, воспитывал его, доверяя крупные лесоустроительные проекты, оберегал от ошибок и, в конце концов, сделал исполнительным директором института.

Проблема сохранения лесов на Земле - одна из важнейших, все страны заинтересованы в разумном лесопользовании и сбережении лесов. Академик

и «правая его рука» Максим Сеницын побывали во многих странах, налаживая сотрудничество в лесопользовании. «Максим с его экологическими знаниями, пониманием юридических законов, хорошим английским языком был ценным работником», - рассказывает Александр Сергеевич Исаев.

Особенно хорошо сложились отношения у института с голландскими учёными. В этой маленькой стране, давно вырубившей леса на строительство кораблей, существует некое ностальгическое чувство по утраченному богатству, и она готова помогать всем, кто это богатство ещё имеет. Голландские лесоводы приезжали работать в Россию. Для них радостью было бывать в наших северных лесах, уже, конечно, не девственных, но сохранившихся на больших территориях.

Однажды я был с ними в местах костромских. Вспоминаются встречи тут со зверями, и прямо на дороге вездеход остановился около туши лося, недавно убитого медведем. А вечером у костра шли серьезные разговоры о лесе, о его роли в жизни многих существ, о том, как, используя лес, не навредить ему. Голландские наши спутники, уже сносно знавшие русский язык, пели и наши любимые песни. В застолье возле костра один из них (вегетарианец) колупал сваренную в «мундире» картошку, а Максим весело требовал: «А где мои любимые пирожки с яблоками?»

Позже мы с Максимом побывали в Голландии, где повсюду была вода, лодки, мельницы, баржи и не было леса - только жидкие рощицы. Максим «утрясал» тут дела, которые вел вместе с голландцами. Побывали мы в местах, где проводили зиму наши таймырские гуси, посетили десятка два ветряных мельниц. Разговоры Максима с голландцами о лесах в этих местах выглядели слегка курьёзными, но все мы давно уже чувствуем, что Земля небольшая и зависит от всех изменений на ней. Голландцы заинтересованы, чтобы леса сохранились хотя бы в тропиках, в Канаде, России.

Главным делом своей жизни Максим считал создание Кологривского лесного заповедника. Разговоры о нем начались еще в 50-х годах минувшего столетия, но далее разговоров дело не шло. У заповедников есть противники. Это были лесопромышленники и все, кого лес снабжал древесиной. Максим Сеницын поставил цель - создать заповедник. В Костромском крае центром заповедного места он видел квадратный километр лесов девственных, которых топор никогда не касался. Не боясь постучаться в любую «высокую дверь», энтузиаст обрел единомышленников, среди которых первым был, конечно, академик Исаев.

Большую часть времени Максим проводил в маленьком городке Кологриве, откуда специалистам легче всего было обследовать характер лесов, их ценность, определять границы возможного заповедника.

В Кологриве Максим приобрел для себя заброшенный, но еще крепкий бревенчатый дом, построенный еще в XIX веке. Много сил положено было на его возрождение. «Никакого гламура - все будет в доме, как изначально было». И кологривское жилище удалось на славу. Все бревна постройки были очищены, всё ценное в доме восстановлено. Несколько раз я ночевал тут. Максим появлялся утром в дверях комнатки под кровлей и торжественно спрашивал: «Ну как жильё?» - хорошо зная, каким будет ответ. «Ты погляди в окошко - гуси у реки ночевали и будут сидеть тут, в Кологриве, до времени, когда Север готов их будет принять».

Нет возможности перечислить, сколько написано и подписано разных бумаг, сколько людей надо было убедить - заповедник нужен, - сколько километров было пройдено в лесном бездорожье, чтобы избежать ошибок в начатом деле. И вот однажды вечером Максим позвонил: «Всё. Заповедник будет!»

Торжественно открывали заповедник зимой. Крепкий морозец. На поляне в лесу палатки. Костер и огромный котел над ним с кипящим варевом. Девушки в старинных сельских нарядах. Начальство, приехавшее на вездеходах, два вертолета с московскими гостями, среди которых - голландцы из посольства и Амстердама. Это был счастливый день в жизни Максима - он был победителем в важном деле. Его назначили директором созданного заповедника.

А потом начались будни становления нового учреждения. Максим, как челнок, носился между Кологривом, Костромой и Москвой - сразу надо было осилить множество неотложных дел, начиная с подбора работников, обретения всего необходимого, «выбивания» средств.

В последний раз в Кологриве мы побывали в конце ноября. Максим был за рулем недавно приобретенного автомобиля. Ничего плохого не предвиделось - говорили в дороге о планах, шутили по поводу нынешних неурядиц.

А через два дня после приезда в Москву утром звонок из дома с рыданиями: «Максим умер...» Врачи сразу установили причину: сердце... Оказалось, был у него в каком-то году инфаркт. Не раз врачи говорили уже «раненому» жизнью человеку: надо лечь подлечиться. Отмахивался: «Чувствую себя нормально». Говорил о каких-то чудодейственных французских таблетках, которые «всё снимают».

Судьба сразила Максима в полете. Уже кому-то другому придется налаживать жизнь в заповеднике с названием «Кологривский лес». В Министерстве природных ресурсов решено: заповедник будет носить имя Максима Синицына. Это традиция. Семь заповедников в стране названы именами их создателей или очень плодотворно работавших в них. Максим - восьмой. Рано поставлен памятник, много хорошего еще мог бы этот человек сделать.